Александра Реген

$ЗАЙЧИК = 132

132 удара и система дала сбой

18+

...но Коржик главный.

Александра Реген

Зайчик

«Автор»
2026

Реген А.

Зайчик / А. Реген — «Автор», 2026

Алиса — гениальный системный администратор. Она чинит серверы, но не свою жизнь. Марк — сын владельца компании. Он проливает кофе и собственные чувства.Она меняет его пароли, он — её привычки. Им предстоит разобраться, что важнее: стабильность системы или риск довериться друг другу.Спойлер: кот Коржик считает, что главный в доме — он.«Зайчик» — история о том, как найти себя, когда прячешься под столом, и полюбить, когда думаешь, что не умеешь.

© Реген А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Сцена 1. Сирена 5
Сцена 2. Кофе ипароли 7
Сцена 3. Ошибка. 10
Сцена 4. Диван 17
Сцена 5. Темнота 21
С 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Александра Реген
Зайчик

Сцена 1. Сирена

Офис встретил Марка тишиной и запахом кофе. Было раннее утро, и он ожидал, что никого нет. Поэтому не стал звонить отцу, просто достал ключ-карту, поднёс к считывающему устройству на входной двери — и ничего. Замок пискнул, но не открылся.

Он попробовал ещё раз. Потом ещё. Красный огонёк на панели мигнул и погас.

— Отлично, — пробормотал Марк. — Просто отлично.

Он достал телефон, чтобы набрать отца, но в этот момент сработала сирена.

Это был не тихий писк, не вежливое предупреждение. Это был вой — резкий, пронзительный, закладывающий уши. Марк выронил телефон. Изнутри, из-за стеклянной двери, он увидел, как на диване в холле кто-то подскочил.

Женщина. Она лежала, свернувшись калачиком, накрытая чёрной толстовкой. Теперь она сбросила толстовку на пол, вскочила — босая, в мятых джинсах и футболке — и бросилась к стойке администратора. Её пальцы забегали по клавиатуре. Сирена выла. Марк стоял по ту сторону стекла и чувствовал себя полным идиотом.

Через минуту всё стихло. Женщина выдохнула, откинула волосы с лица и только потом заметила его. Подошла к двери, открыла изнутри — без ключ-карты, просто нажав что-то на своём телефоне.

— Ты кто? — спросила она. Голос хриплый, уставший, но без враждебности.

— Марк. Сын Владимира Петровича. Я пытался войти, но...

— Твоя карта заблокирована. Я поменяла коды доступа вчера ночью.

— Зачем?!

— Потому что старые были фуфло. — Она потёрла висок, поморщилась. — Любой школьник мог взломать. Я обновила систему. Твой отец в курсе.

— А сирена?

— Побочный эффект. Я не успела отладить. Всю ночь работала.

Марк посмотрел на неё. Босая. Помятая. С тёмными кругами под глазами. Но взгляд — острый, цепкий. Она не извинялась. Она вообще, кажется, не умела извиняться.

Из коридора вышел Владимир Петрович — с кружкой в одной руке и телефоном в другой.

— А, Марк! Добрался. Я как раз хотел тебя встретить, но Алиса сказала, что сама справится. — Он кивнул на женщину. — Вижу, вы уже познакомились.

— Она заблокировала мою карту, — сказал Марк.

— Она молодец, — сказал отец. — Старая система никуда не годилась. Алиса, солнышко, ты вообще спала?

— Два часа. На диване. Пока ваш сын не устроил тут концерт Rammstein.

— Я не устраивал! Сирена сама...

— Это ты ввёл неправильный код три раза подряд. Система решила, что ты взломщик.

— Я не взломщик! Я сын владельца!

— Системе всё равно.

Отец засмеялся. Он смеялся громко, от души, и Марк вдруг понял, как скучал по этому смеху. Алиса не смеялась. Но уголки её губ чуть дрогнули.

— Ладно, — сказала она. — Чай будешь? Кофе закончился.

— Буду, — сказал Марк.

Она развернулась и пошла к кухне. Тапки она надела уже на ходу — чёрные, с кошачьими мордами.

Марк проводил её взглядом.

— Не пялься, — сказал отец. — Она этого не любит.

— Я не...

— Пялишься. Ничего, привыкнешь.

Марк не ответил. Он поднял сумку и пошёл следом за отцом в кабинет. На столе уже стояла кружка — для него. Чистая. С мятным чаем. Он не просил. Она не объясняла.

Сцена 2. Кофе ипароли

Первая неделя была тихой. Алиса не разговаривала с ним, если в этом не было необходимости. Не улыбалась. Не спрашивала, как дела. Она просто сидела за своим столом — теперь она переселилась в серверную, уступив кабинет ему, — и работала. Иногда Марк забывал, что она вообще в здании. А потом случалось что-то, и он вспоминал.

Первый случай произошёл во вторник.

Он попытался войти в почту. Пароль не подошёл. Он попробовал ещё раз — та же история. Тогда он позвал её: громко, резко, сам удивившись своему тону.

— Алиса!

Она появилась в дверях через минуту. Не спеша.

— Ты поменяла пароль от моей почты?

— Да.

— Почему?

— Потому что старый был «MarkBoss2023». Это даже не пароль. Это крик о помощи.

— Это моя фамилия и должность! Легко запомнить!

— Легко запомнить — легко взломать. Я поменяла. Новый в записке у тебя на столе.

Она развернулась и ушла. Марк посмотрел на стол. Записка лежала под кружкой. Он прочитал: «ТвойНовыйПароль_НеЗабудь_НаЭтотРаз».

Он выдохнул. Медленно. Очень медленно.

На следующий день, в среду, случилось другое.

Он зашёл в серверную, чтобы спросить про отчёт, и увидел, что она сидит в его кресле.

— Это моё кресло.

— Было твоё. Теперь оно здесь. Мне нужно было что-то с поддержкой для спины. У твоего хорошая поддержка.

— А мне где сидеть?

— Там, — она кивнула на деревянный стул в углу. — Он тоже ничего.

Марк сел на деревянный стул. Он был жёстким и неудобным. Алиса печатала, не обращая на него внимания.

— Ты всегда берёшь чужие вещи? — спросил он.

— Только когда они мне нужны.

Третий раз случился в четверг.

Он пришёл утром и обнаружил, что его компьютер не включается. Вообще. Чёрный экран.

— Алиса!

Она заглянула в кабинет.

— Ты что-то сделала с моим компьютером?

— Обновила систему безопасности. Она теперь требует двухфакторную аутентификацию через телефон. Проверь сообщения.

Он проверил. Там был код. Он ввёл. Компьютер ожил.

— Почему ты не предупредила?

— Предупредила. В почте. Которую ты не проверил.

Марк открыл почту. Письмо было. Отправлено в три часа ночи.

— Ты работаешь по ночам?

— У меня нет расписания. Я работаю, когда работает голова.

— А когда она не работает?

— Тогда я сплю. Но это редко.

Она вышла. Марк посмотрел на экран. На рабочем столе появилась новая иконка — «Пароли_НЕ_Забывать». Он открыл. Там был список: почта, сервер, база данных, внутренняя сеть. Напротив каждого — новый пароль. И приписка внизу: «Угадай, кто их будет менять каждые три месяца».

Он закрыл файл. Потёр глаза. У него начал дёргаться левый глаз.

К пятнице он не выдержал и пошёл к отцу.

Владимир Петрович сидел в своём кабинете. Перед ним на столе лежал разобранный старый проигрыватель – он уже третью неделю пытался его починить, но упрямый моторчик никак не хотел работать. Он крутил в руках деталь, щурился и бормотал:

— В мое время делали надёжнее…

Рядом стояла кружка остывшего чая.

Марк вошёл без стука. Он был взбешен — это читалось в каждом его движении и в том, как он швырнул на стол телефон.

— Пап, она невыносима.

Владимир Петрович поднял голову и снял очки, оставляя легкие красные следы на переносице. Он посмотрел на сына с лёгкой усмешкой.

— Кто? — спросил он спокойно.

— Алиса! — выпалил Марк, начиная ходить по кабинету. — Она поменяла все мои пароли! Она забрала моё кресло! Она обновила мой компьютер без спроса! Она смотрит на меня как на пустое место!

Он остановился на мгновение, перевёл дыхание и добавил уже более обречённо:

— И она не даёт мне пить кофе!

Владимир Петрович откинулся на спинку стула и улыбнулся. Он смотрел на мельтешение сына с явным удовольствием, будто наблюдал за цирковым представлением.

— Кофе? — переспросил он, пряча улыбку.

— Да! Каждое утро она выпивает весь кофе, а мне оставляет чай. — Он замер, с силой сжал кулаки, потом разжал и выдохнул, будто набираясь сил, чтобы произнести это вслух. — Мятный.

Отец отложил моторчик, Посмотрел на сына поверх стола, сдерживая улыбку.

— Ты закончил?

— Нет! — Марк провёл рукой по волосам, взъерошив их. — Она… она…

— Она лучший специалист, который у нас был за последние десять лет... Она обновила систему, которую до неё не трогали годами. Она работает по ночам, потому что днём ей мешают. И она не даёт тебе кофе, потому что ты от него становишься слишком перевозбуждённым и начинаешь мельтешить. Это её отвлекает. Поэтому она оставляет тебе мятный чай — он успокаивает.

Марк замолчал.

— Что?

— Она заботится о тебе, просто по-своему.

Марк стоял посреди кабинета и чувствовал себя полным идиотом. Отец взял кружку, сделал глоток.

— Она уважает тебя. Просто не так, как ты привык. Привыкай.

Марк вышел. В коридоре он столкнулся с Алисой. Она несла кружку.

— Держи, — сказала она. — Твой лимит на сегодня.

Он взял кружку. Кофе был именно таким, как он любил.

— Спасибо, — сказал он. — А как ты…

— Ты очень громко возмущаешься, — пожала она плечами. — И не жалуйся на меня отцу. Он потом смеётся, а у меня от его смеха голова болит.

Она ушла, Марк стоял в коридоре и смотрел на кружку в своей руке. Она только что сказала ему про лимит —как будто ничего не произошло.

Глаз всё ещё дёргался. Но теперь — не только от раздражения.

Сцена 3. Ошибка.

Полина вошла в холл, привычно поправляя сумку на плече. Улыбнулась Вере за стойкой, кивнула Сергею — те ответили тем же, и в этом жесте ей почудилось нечто большее, чем просто вежливость. Будто они уже принимали её как свою, как ту, кто скоро станет здесь хозяйкой. Мысль об этом согревала, придавала уверенности. Полина позволила себе задержать это ощущение.

Но оно улетучилось так же быстро, как и появилось, будто что-то резко изменилось в атмосфере, стоило ей сделать ещё один шаг вперёд.

В углу холла неподвижно стояла фигура в чёрном капюшоне. Девушка не двигалась, не здоровалась, не улыбалась — просто смотрела в одну точку, будто её здесь не существовало. Тишина вокруг неё казалась плотнее, чем в остальном помещении, и это выбило Полину из одурманивающего покоя, заставив насторожиться.

Полина улыбнулась, подходя ближе и остановилась напротив.

— А ты кто? — спросила она с лёгкой насмешкой в голосе.

Девушка не ответила. Она медленно повернулась и посмотрела на Полину. Серые глаза смотрели в упор — стальные, немигающие. В них не было ни тепла, ни интереса. Только холодное, ровное внимание, от которого Полине стало неуютно.

— Восемь, — сказала она. — Ты приходишь в восьмой раз. Семь раз я видела в системе. Теперь — лично. Это ошибка.

Полина почувствовала, как внутри что-то кольнуло.

— Я не ошибка, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрже.

— Все ошибаются, — ответила девушка. — Но некоторые ошибки повторяются чаще других.

Полина сжала губы, сдерживаясь, но прежде, чем она успела ответить, та уже развернулась и пошла в сторону серверной. Она смотрела ей вслед, сжимая кулаки.

— Кто это? — спросила она Веру.

— Алиса, — ответила Вера. — Наш системный администратор.

Полина сжала губы. «Алиса», — повторила она про себя, и это имя занозой засело где-то внутри.

Через два дня Полина пришла снова.

Она шла по коридору к кабинету Марка, когда услышала голоса. Они доносились из коридора, который вёл к серверной, где обитала Алиса. Полина остановилась, прислушалась.

— Ты зачем переставил фигуры на доске? — спросила Алиса. Полине показалось, что голос у неё был не просто ровным, а почти безжизненным — как будто она разговаривала с пустотой.

— Хотел посмотреть, как выглядит мат в два хода, — ответил Марк. В его голосе Полина уловила что-то странное — то ли лёгкую насмешку, то ли нежность. Она не могла понять, но от этого ей стало ещё неприятнее.

— Ты же не умеешь играть, — голос Алисы оставался таким же холодным, но Полине показалось, что в нём мелькнуло раздражение. Она была рада этому — значит, Алиса тоже не в восторге от этого разговора.

— А я книжку прочитал, — ответил Марк, и Полина почувствовала в его голосе вызов. Он явно хотел её задеть. Или, наоборот, заинтересовать. Она не знала, что именно, но ей это не нравилось.

— Тогда ты должен был прочесть и то, что, если переставить коня, мат в два хода станет невозможен, — ответила Алиса. Её голос был всё таким же ровным, но Полина заметила в нём

едва уловимое напряжение. Будто ей пришлось потратить лишнюю секунду, чтобы объяснить очевидное.

— И что теперь? — спросил Марк, и Полина услышала в его голосе неподдельный интерес. Она не понимала, что он нашёл в этом разговоре такого занимательного.

— Теперь придётся делать сорок ходов вместо двух, — ответила Алиса. Полина уловила в её голосе что-то похожее на усталость. Но не злость. Только лёгкое, почти незаметное сожаление о потраченном времени.

Марк усмехнулся. Коротко, тепло — так, как он не улыбался Полине. И это задело её сильнее, чем любой из их слов.

Полина шагнула вперёд и выглянула из-за угла.

Марк стоял у входа в серверную, прислонившись плечом к стене. Напротив него — Алиса, руки скрещены на груди, без улыбки, без эмоций. Она просто стояла и смотрела на него. Но Полина смотрела на Марка. Он улыбался. Не так, как улыбался ей — дежурно, вежливо. А по-другому. Тепло. Живо. Настоящее. Полина почувствовала, как внутри что-то сжалось. Он стоял рядом с ней и выглядел счастливым. Такого она не видела никогда. И это больно ударило по ней, вызвав глухую, тягучую злость. Он никогда не был таким с ней.

Но она не дала этому чувству вырваться наружу. Сделала глубокий вдох, поправила улыбку и шагнула вперёд, за угол.

Марк заметил её. Улыбка на его лице изменилась — стала вежливой, дежурной.

— Привет, — сказал он. — Ты рано.

Полина подошла к нему, улыбнулась:

— Решила заехать пораньше, выпить с тобой кофе.

— Хорошая мысль, — ответил он. — Я как раз уже закончил.

Он наклонился и поцеловал её в губы. Коротко, тепло. Полина ответила, но краем глаза заметила, что Алиса даже не смотрит на них. Она стояла неподвижно, глядя в одну точку, как будто их не существовало. Это разозлило Полину сильнее, чем если бы та смотрела на них.

В этот момент у Марка зазвонил телефон.

— Мне нужно ответить, — сказал он. — Подожди в кабинете, я принесу кофе.

Он отошёл в конец коридора, уже говоря в трубку.

Полина пошла к кабинету. Проходя мимо Алисы, она услышала за спиной ровный, бесстрастный голос:

— Девять. Баг повторяется.

Полина остановилась. Повернулась медленно. Алиса смотрела на неё. Взгляд — стальной, немигающий.

— Ты приходишь в девятый раз, — сказала Алиса. — Система нестабильна.

Полина сжала губы. Она хотела ответить, но в конце коридора уже появился Марк.

Она развернулась и зашла в кабинет, плотно закрыв за собой дверь.

На следующий день Полина снова пришла. Она зашла на кухню и увидела Марка у кофемашины. Тот стоял, нажимал на кнопки, но машина только гудела, не выдавая кофе. Пар шёл из бокового отверстия. Марк ругался сквозь зубы, пытаясь справиться с этой чёртовой машиной, явно не первую минуту.

Полина уже открыла рот, чтобы окликнуть его, но в этот момент в дверях появилась Алиса.

Она остановилась, увидела Марка, кофемашину и пар, закатила глаза, затем на секунду замерла, будто взвешивая, помогать ему или нет. Потом тяжело вздохнула — и, не сказав ни слова, направилась к нему.

Она подошла вплотную, протиснулась между ним и кофемашиной, коснувшись своей спиной его груди. Марк не отодвинулся, а наоборот, облокотился одной рукой на столешницу рядом с ней и наклонился к её уху. Его подбородок на мгновение коснулся её плеча.

— Опять я всё испортил, да? — сказал он тихо.

— Ты постоянно всё портишь, — ответила Алиса, не оборачиваясь.

— И ты к этому привыкла?

— Привыкла.

— Потому что тебе нравится, когда я наблюдаю?

Она не ответила. Только тихо выдохнула, почти усмехнувшись. Закончив с кофемашиной, она взяла готовый напиток и повернулась к нему, протягивая кружку. Их пальцы встретились и задержались друг на друге дольше, чем нужно.

Полина, стоявшая в дверях, сжала губы и произнесла:

— Марк, мы опаздываем.

Марк поднял голову, и улыбка на его лице изменилась — стала вежливой, дежурной.

— Да, хорошо, — сказал он. — Подожди в холле, я возьму пальто.

Он повернулся к Алисе и добавил, подмигнув:

— Спасибо за кофе.

И вышел из кухни, направляясь к кабинету.

Алиса, проводив его взглядом, повернулась к Полине и ровным, бесстрастным голосом произнесла:

— Десять. Ошибка всё ещё не устранена.

И, не дожидаясь ответа, выскользнула из кухни, оставляя Полину одну.

Полина стояла неподвижно, глядя на дверь, за которой скрылась Алиса. Её пальцы сжались в кулаки, дыхание стало глубже. Холодная решимость заполнила её изнутри. Она знала, что должна сделать.

Через несколько дней Полина зашла в серверную, зная, что Марк будет занят на совещании. Она не спеша прошлась по комнате, разглядывая стеллажи с оборудованием, провела пальцем по краю стола, остановилась у окна, потом снова повернулась к Алисе. Та сидела за столом, не поднимая головы, продолжая работать.

Полина подошла ближе, усмехнулась и поставила чашку с кофе рядом с открытыми контактами.

— Ты знаешь, я ведь давно хотела с тобой поговорить, — сказала она, и голос её звучал с лёгкой насмешкой. — Ты ведёшь себя так, будто ты здесь главная. Будто ты имеешь право считать, сколько раз я приходила. Но ты — никто. Ты ошибка. И ты никогда не станешь частью его жизни.

Алиса не ответила. Она продолжала сидеть неподвижно, опустив голову, и смотреть на плату, которую держала в руках.

Полина усмехнулась, сделала шаг назад и задела рукой чашку. Та опрокинулась, и горячий кофе разлился по открытым контактам. Плата зашипела, запахло палёным пластиком. Алиса вскочила, инстинктивно потянувшись к чашке, чтобы убрать её, но в ту же секунду произошло короткое замыкание. Небольшой искровой разряд ударил по керамике, и чашка с глухим треском лопнула прямо у неё в руках. Острые осколки впились в ладони. Алиса зашипела от боли, отдёргивая руки и прижимая их к груди. По пальцам побежала кровь, капая на пол.

— Ой, прости, — с улыбкой сказала Полина. — Я нечаянно.

И, не дожидаясь ответа, развернулась и вышла, оставляя Алису одну.

Алиса осталась одна. Она медленно опустилась на пол, прямо у стола, и несколько секунд просто смотрела на свои ладони. Кровь капала на бетонный пол, боль пульсировала в такт сердцу. Она сглотнула, пытаясь унять дрожь в руках, и только после этого потянулась к ящику, где лежала аптечка. Пальцы плохо слушались, и она с трудом открыла защёлку, доставая бинты, антисептик и пинцет.

Она взяла пинцет, поднесла его к ладони и, закусив губу, начала вытаскивать осколки из первой руки. Каждое движение отдавалось острой болью, но она не могла позволить себе

остановиться. Она аккуратно, мучительно медленно, обрабатывала рану, стараясь не думать о том, как сильно болят руки.

В этот момент в дверях появился Марк. Он был взволнован и зол — презентация оборвалась прямо во время его доклада, система отказывалась работать, и он сорвался с совещания, чтобы разобраться, в чём дело.

— Что здесь происходит? — крикнул он.

Алиса дёрнулась. В тот же миг пинцет дрогнул в её руке, и осколок, который она почти вытащила, сдвинулся глубже в рану. Она зашипела от боли, прижимая руку к груди, и замерла, пытаясь осознать, что произошло. Но она не обернулась — только сжала зубы и продолжила, не позволяя себе остановиться.

— Твоя девушка пролила кофе, — ответила Алиса, не оборачиваясь.

— Тогда почему ты не чинишь?

— Я чиню, — тихо сказала она.

— Так чини быстрее!

Марк развернулся и вышел, хлопнув дверью.

Алиса осталась одна. Она сжала зубы, глядя на свою ладонь, из которой сочилась кровь. Теперь было ещё больнее. Она глубоко выдохнула, пытаясь успокоиться, и снова взяла пинцет. Пальцы дрожали, но она не могла позволить себе остановиться. Она продолжила вытаскивать осколки из первой руки, потом начала обрабатывать вторую. Каждое движение отдавалось болью, но она терпела.

Когда она закончила перевязывать обе руки, она откинула голову на стену и прикрыла глаза. Боль постепенно стихала, превращаясь в глухое нытьё. Она сидела неподвижно, давая себе время прийти в себя. Внутри, в тишине, она услышала свой собственный голос: «Я не ошибка. Я не ошибка». Она не знала, кому это говорит — себе или пустоте. Она просто хотела, чтобы это было правдой.

Через несколько минут она поднялась, чувствуя, как ноги дрожат. Прошла в дальний конец серверной, взяла ящик с инструментами, вернулась к столу, села на пол, поджав ноги, и, достав плату, начала её ремонтировать. Руки всё ещё дрожали, но она заставила себя работать дальше.

Прошло около часа. Марк вернулся снова. Он был ещё более раздражён, чем в прошлый раз, и его голос звучал резко, когда он ворвался в серверную.

— Ну что? — крикнул он, подходя ближе. — Готово?

Алиса вздрогнула. Плата в её руках дрогнула, и она едва успела перехватить её, чтобы не уронить. Она прижала руки к груди, но не обернулась.

— Почти, — ответила она, не поднимая головы. — Это займёт больше времени, чем я думала.

— Больше времени? — переспросил он, и голос его стал опасным. — У нас через час ещё одна встреча. Ты должна была уже это решить!

— Я делаю всё, что могу, — сказала она, сжавшись.

— Тогда делай быстрее! — крикнул он.

Алиса окаменела. Всё её тело застыло, как будто внутри что-то щёлкнуло и остановилось. Она не дышала несколько секунд. Пальцы сжались на плате, плечи напряглись. Ей казалось, что время замерло. А потом она медленно, очень медленно выдохнула, словно пытаясь вернуть себе контроль. Марк развернулся и вышел, снова хлопнув дверью.

Алиса осталась одна. Она сидела неподвижно, глядя перед собой пустым взглядом. Где-то внутри, глубоко под слоями боли и усталости, она почувствовала, как что-то сжалось. Тишина в серверной стала тяжелее, чем любой крик.

Прошло ещё несколько часов. Алиса почти закончила. Её руки всё ещё болели, но она продолжала работать, заканчивая последние штрихи. В этот момент в дверях появилась Полина. Её голос прозвучал язвительно и насмешливо:

— Ты думаешь, ты ему нужна? Смотри на себя. Ты даже с такой мелочью не можешь справиться, не поранившись. А он в это время теряет встречи из-за твоей медлительности. Он бы мог уже всё решить, если бы кто-то нормальный был рядом. А ты только тормозишь его.

Она усмехнулась, наклонилась к Алисе и добавила с ледяной улыбкой:

— Знаешь, я ведь рассчитывала, что этот маленький инцидент поможет тебе быстрее осознать своё место. Что ты здесь лишняя. Но ты, видимо, слишком занята подсчётами, чтобы заметить очевидное.

Она выпрямилась, демонстративно поправила волосы и, заметив на полу осколок чашки, наклонилась, чтобы поднять его. В этот момент за спиной раздался голос Марка. Тихий, ровный, ледяной.

— Что значит «своё место»? — спросил он.

Полина замерла с осколком в руке и медленно обернулась. В дверях стоял Марк. Он слышал всё.

— Марк, я...

— Я слышал, — сказал он, делая шаг вперёд. — Ты сказала, что она должна знать своё место. Что ты имела в виду?

Полина сжала осколок в руке, её пальцы побелели.

— Марк, это был несчастный случай...

— Это была не случайность, — перебил он. — Ты сама это сказала. Ты хотела, чтобы она поняла своё место. Я хочу знать, что ты имела в виду.

Полина смотрела на него, пытаясь сохранить самообладание.

— Она постоянно путается под ногами, Марк! — выпалила она. — Она считает каждую секунду, которую я здесь провожу, она следит за твоим расписанием, она ведёт себя так, будто она здесь главная! Ты сам посмотри на неё! Она же не человек, она робот!

— Это тебя не касается, — отрезал Марк. — Какое отношение она имеет к тебе?

— Она стоит между нами! — крикнула Полина, не в силах сдержаться. — Ты улыбаешься ей, ты смотришь на неё так, как никогда не смотрел на меня! Я видела это!

Марк смотрел на неё, и лицо его оставалось непроницаемым.

— Ты хотела показать ей её место, — сказал он. — Но это не тебе решать: ни какое место она занимает, ни что она значит. Ни в моей жизни, ни в этом офисе. Если бы мне пришлось выбирать между вами, я бы выбрал её. Без колебаний. Она для меня важнее, чем ты когда-либо могла представить.

Он сделал паузу, затем, не сводя с неё глаз, взял рацию, лежавшую на столе Алисы, и нажал кнопку вызова.

— Охрана, — сказал он в рацию, не повышая голоса. — Зайдите в серверную. Проводите посетительницу до выхода и проследите, чтобы она покинула здание. Больше она сюда не войдёт.

Он отпустил кнопку и спокойно посмотрел на Полину, которая стояла неподвижно, сжимая в руке осколок.

— У тебя есть минута, чтобы собраться, — сказал он. — Или тебя выведут.

Полина смотрела на него, не веря своим ушам. Она хотела что-то сказать, но Марк уже отвернулся, подходя к Алисе, и та, казалось, перестала для него существовать. Через несколько секунд в дверях появились двое охранников. Полина молча вышла вслед за ними. Осколок так и остался в её руке.

Когда дверь за ними закрылась, Марк опустился перед Алисой на корточки. Она не поднимала головы, но он заметил её руки — перемотанные бинтами, на которых проступала кровь.

— Покажи, — сказал он тихо.

Алиса на мгновение застыла, а затем отодвинула руки назад, пряча их за спину. Внутри неё всё ещё звучал его голос, его крик. Она не понимала, почему, но что-то мешало ей подчиниться.

— Покажи, — повторил он, мягче.

Она медленно, с трудом вытащила руки.

Он взял одну из них, аккуратно размотал бинт и посмотрел на раны. Глубокие порезы. Он сжал челюсти, затем поднялся, достал из ящика аптечку, сел прямо перед ней, почти касаясь коленями её коленей, и начал осторожно обрабатывать раны. Его пальцы были мягкими, движения аккуратными, и она смотрела на них, не понимая, почему он это делает.

— Почему ты не сказала мне? — спросил он тихо, не поднимая глаз.

— Ты был занят, — ответила она, и голос её был почти беззвучным.

— Это не оправдание, — сказал он, поднимая на неё взгляд. — Ты должна была сказать. Это важно. Ты важна. Это важнее любых встреч и совещаний. Я не должен был кричать на тебя, когда ты была в таком состоянии. Я должен был знать. И я должен был быть рядом, а не орать.

Она молчала, глядя на его руки, которые продолжали перевязывать её ладони.

— Алис, я не всё вижу, — сказал он. — Я могу быть занят, я могу быть зол, я могу ошибаться. Но если ты не скажешь — я никогда не пойму. Ты должна добиваться правды, даже если я кричу. Даже если я не слушаю. Особенно тогда.

Она смотрела на него, и в её взгляде промелькнуло что-то новое — непонимание, смешанное с попыткой осознать.

— Но, если ты зол, — сказала она медленно, — ты не принимаешь информацию. Это нелогично.

— Может быть, — сказал он, и голос его стал мягче. — Но ты знаешь, что я успокоюсь. Ты знаешь, что я всегда на твоей стороне. Я хочу, чтобы ты запомнила это. Чтобы в следующий раз, когда я буду кричать, ты не пряталась. Чтобы ты сказала мне правду, даже если я не хочу её слышать. Я справлюсь.

Она моргнула, медленно, как будто переваривала его слова.

— Ты хочешь, чтобы я доверяла тебе, даже когда ты злишься?

— Да, — ответил он просто. — Потому что я всегда на твоей стороне. Даже если я ору. Особенно если я ору.

Она смотрела на него. Что-то внутри неё начало приоткрываться.

— Одиннадцать, — сказала она.

— Что? — переспросил он, на мгновение замерев.

— Она приходила одиннадцать раз, — сказала Алиса, и голос её стал ровным. — Семь раз я видела её в системе, четыре — лично. Я считала, потому что она нарушала порядок: твой график сбивался, работа тормозилась, офис терял стабильность.

Он слушал, не перебивая.

— Поэтому я ждала, — продолжила она. — Ждала, пока ошибка станет настолько очевидной, что ты сам её заметишь. Но ты не замечал. А когда она пролила кофе и поранила меня, я поняла: это уже техническая проблема, и я могу её решить. Я починила всё, зашила руки. Но я не знала, как сказать тебе остальное.

— Что именно? — тихо спросил он.

— Что я не могла исправить это сама, — ответила она. — Что мне нужно было, чтобы ты увидел. Что я ждала тебя. Что я не знала, как до тебя достучаться.

Он смотрел на неё, и в груди у него сжалось. Она говорила так просто, так ровно, но в этих словах было столько боли, сколько он не слышал никогда.

— Теперь ты знаешь, — сказал он, и голос его дрогнул. — Можешь приходить. Даже когда я злюсь. Особенно когда я злюсь. Я справлюсь.

Она не ответила. Но когда он посмотрел на неё, она подняла глаза, и в них мелькнуло что-то новое. Что-то, чего он не видел в ней раньше. Тишина между ними больше не была пустой. В ней было что-то настоящее. Она начала верить.

Сцена 4. Диван

Это началось не в какой-то конкретный день, а исподволь, как собирается вода в чашке — капля за каплей, пока не польётся через край.

После того вечера в серверной, когда он перевязывал её руки и она сказала «я ждала тебя», Марк думал, что всё изменится. Он не ждал, что она вдруг станет другой, не ждал слов благодарности или признаний. Но он думал, что между ними что-то сдвинулось. Что теперь она будет с ним чуть мягче. Чуть теплее. Что она перестанет смотреть на него как на пустое место.

Он ошибался. И это ощущение было хуже, чем если бы она просто его игнорировала.

Сначала Марк просто отмечал факты. Алиса помогает с кофемашиной — удобно. Алиса находит потерянный договор — полезно. Алиса перехватывает падающую папку — повезло. Он думал об этом как о случайных совпадениях. Но случайности складывались в систему, а система не могла быть случайной.

Он начал замечать её с другими.

Вот она сидит с Верой на кухне. Вера рассказывает, как на выходных пекла шарлотку и забыла положить сахар. «Представляешь? Достаю из духовки — красота, румяная, а на вкус — как картон». Алиса улыбнулась краешком губ и сказала: «Вера, ты гений. Изобрела диетическую шарлотку. Запатентуй». Вера засмеялась. Алиса улыбнулась — тепло, открыто.

Марк заходит на кухню, тянется к верхней полке за чашкой, задевает стопку тарелок. Они начинают заваливаться. Алиса, не прерывая разговора, не оборачиваясь, вскидывает руку и придерживает стопку. Поправляет. И продолжает: «Серьёзно, Вера, добавь в меню. Диетическая шарлотка от Веры — звучит». Она не смотрит на Марка. Не говорит ему ни слова. Но тарелки спасены. Он берёт чашку. Вера смеётся. Алиса улыбается Вере.

Марк стоит с чашкой в руке и чувствует, как внутри что-то сжимается. Он помнит её руки, перевязанные бинтами. Помнит, как она сказала «я ждала тебя». Помнит, как позволила ему взять свои ладони. Ему казалось, что это был прорыв. Что теперь она не будет отгораживаться от него стеклянной стеной. Но стена была на месте. Он просто не заметил её в темноте серверной.

В другой раз она стоит в холле с Сергеем. Сергей держит в руках планшет и пытается открыть фотографию внучки, но у него не получается. «Она тут такая смешная, в шапке с помпоном, — басит он. — Да что ж не открывается-то?» Алиса берёт у него планшет, что-то нажимает, возвращает. Фотография открывается. Сергей сияет. «Волшебница», — говорит он. Алиса фыркает: «Серёж, ты просто кнопку не ту нажимал. Не волшебство, а внимательность». Сергей смеётся. Алиса улыбается. Ей с ним легко.

Марк в это время пытается справиться с кофемашиной. Капсула не вставляется. Он пробует так, пробует эдак — машина гудит, вода течёт мимо. Алиса, всё ещё глядя на фотографию Сергея, подходит, вынимает капсулу, переворачивает, вставляет. Кофе льётся. Она возвращает планшет Сергею: «Помпон и правда смешной». Марку — ни слова. Ни взгляда.

Он смотрит на неё и пытается понять: что изменилось? В серверной она была другой. Она позволила ему остаться. Она почти призналась, что ждала его. А сейчас? Сейчас она смотрит сквозь него, как будто того вечера не было.

Вечером она сидит в приёмной с Дариной. Дарина листает ленту в телефоне и читает вслух какую-то историю про парня, который на первом свидании заказал суп и ел его, чавкая. «Это катастрофа?» — спрашивает Дарина. «Это не катастрофа, — отвечает Алиса. — Катастрофа — это когда он заказывает суп тебе и говорит, что тебе надо похудеть. А чавканье — это просто чавканье». Дарина смеётся. Алиса пожимает плечами, но в глазах у неё искорки.

Марк проходит мимо с папками. Верхняя соскальзывает. Алиса наклоняется, подхватывает её у самого пола, кладёт обратно в стопку. И продолжает: «Хотя если он чавкает на первом

свидании, на втором он будет петь в караоке. Тут уж решать тебе». Дарина смеётся. Алиса — нет, но ей явно нравится этот разговор. Марк бормочет «спасибо». Она не отвечает. Она уже забыла о нём.

С отцом она играет в шахматы. Владимир Петрович, как всегда, мухлюет — двигает слона не по правилам. Алиса ловит его за руку: «Владимир Петрович, ваш слон так не ходит. Это не слон, это десантник». Отец хохочет. «Солнышко, ты меня насквозь видишь». — «Я вижу доску. А вас — нет. Вы прикрываетесь ферзём».

Марк заходит, ищет на столе ручку. Алиса, не глядя, вытаскивает запасную из своего пучка, протягивает ему. «Шах», — говорит она отцу. Марк берёт ручку. Уходит. Она не провожает его взглядом. Он возвращает ручку через полчаса. Она кладёт её обратно в пучок. «Мат», — говорит она отцу. И улыбается. Не Марку — отцу.

В этом был контраст.

С ними она говорила. С ними она смеялась, спорила, рассуждала, подкалывала. С ними она была тёплой. С ним — нет. С ним она былаполезна. Она решала его проблемы — быстро, молча, не отвлекаясь. Но она не улыбалась ему. Не шутила. Не говорила о шарлотке, о чавканье, о десантниках-слонах. Она просто делала своё дело. Качественно. Безупречно.

И от этого Марку было тихо, очень тихо грустно. Как будто все вокруг получили приглашение на праздник, а он — нет. Как будто в серверной, когда он перевязывал её руки, она открыла ему дверь, но он не смог в неё войти. Или она захлопнула её, как только он вышел.

— Я ей не нужен, — сказал он однажды отцу, когда они остались вдвоём.

— Что? — переспросил Владимир Петрович, не поднимая глаз от бумаг.

— Алисе. Я ей не нужен. Она с вами — другая. С Верой — другая. С Сергеем — другая. Со мной — ноль эмоций. Она даже не смотрит на меня. Только через силу, если надо что-то починить.

Отец отложил бумаги. Снял очки. Посмотрел на сына с той долгой, внимательной улыбкой, которая всегда означала, что он видит больше, чем говорит.

— Она и с тобой другая, — сказал отец. — Просто ты не замечаешь.

— Другая? Она смотрит сквозь меня! Она не улыбается мне, как улыбается Вере. Она не смеётся, как смеётся с Сергеем. Она даже не орёт на меня, как на тебя в шахматы!

— Она тебя не ударила, когда ты перевязывал её руки, — сказал отец. — Она никому не позволяет себя касаться. А тебе позволила. Она сказала «я ждала тебя» — и это больше, чем сотня улыбок. Ты просто не знаешь её языка. Ты ждёшь, что она будет как все. Но она не как все. Её любовь — это не слова. Это когда она остаётся.

Марк замолчал.

— Она с тобой осторожна, — продолжил отец. — Потому что с другими она ничего не теряет. Если Вера уйдёт — ей будет жаль, но она переживёт. Если Сергей перестанет разговаривать — она пожмёт плечами. А если уйдёшь ты — она не переживёт. Она это знает. И поэтому она держит дистанцию. Боится, что привыкнет.

Отец помолчал, потом добавил:

— Ты ведь тоже боишься, что она привыкнет, а потом уйдёт? Что она выберет работу вместо тебя, как та, другая?

Марк вздрогнул. Он не говорил отцу про бывшую невесту. Но отец всегда знал. Всегда видел больше, чем Марк хотел показывать.

— Я не знаю, что делать, — сказал Марк тихо.

— Жди, — ответил отец просто. — Учись её языку. Не требуй, чтобы она стала как все. Она — не все. Она — твоя. Просто она ещё не умеет этого показывать.

В пятницу вечером отец заглянул в кабинет: «Чайку?» Они пошли на кухню. Чайник закипел. Отец рассказывал что-то про старые схемы. Марк слушал вполуха.

И вдруг — шаги. Тихие, шаркающие. Так ходят очень уставшие люди.

Марк выглянул в коридор. Алиса. Сгорбленная. В толстовке. С его пледом под мышкой — тем самым, клетчатым, с потёртым краем, который он привёз из дома в первую неделю. Она зашла в его кабинет. Прикрыла дверь.

Он пошёл следом. Дверь была приоткрыта. Он заглянул.

Она сидела на диване и запутывалась в пледе. Дёргала край, заворачивалась, снова выпутывалась — руки не слушались. Наконец легла. Затихла. Закрыла глаза. Лицо разгладилось.

Марк отступил от двери. Сел на корточки у стены.

Подошёл отец. Заглянул в щель. Улыбнулся.

— Она всегда здесь?

— Да.

Марк помолчал.

— Я ей мешаю?

Отец покачал головой. Он не стал ничего объяснять — ни про роли, ни про маски, ни про доверие. Он просто сел рядом, кряхтя, прислонился спиной к стене и сказал:

— Знаешь, после смерти твоей матери я не спал почти год. Ложился — и не мог. Глаза закрываю, а сна нет. Пустота. Я думал, это навсегда. А потом однажды уснул в гараже. Случайно. Просто сидел там, перебирал старые инструменты, и меня вырубило. И с тех пор, когда совсем невмоготу, я иду туда. В гараж. Там пахнет бензином и старой кожей. Там тихо. Там я могу спать.

Он помолчал.

— Она не к дивану приходит. И не к пледу. Она к тебе приходит. Понимаешь? Просто ей, как и мне тогда, нужен гараж. Место, где можно выдохнуть. У неё это — твой кабинет. Она не улыбается тебе, не шутит, не рассказывает про шарлотку, потому что с другими она может быть кем угодно. А с тобой она просто есть. Это труднее. И это дороже.

Марк смотрел на дверь. За ней, в темноте, спала Алиса. Спала, потому что здесь был он. Даже когда его не было — он был.

Утром он вошёл в кабинет и первым делом увидел кружку. Она стояла на его столе, от неё поднимался пар. Кофе. Горячий. Именно такой, как он любил.

А потом он услышал шуршание. Оно доносилось из угла, где стоял второй стол — большой, деревянный, с тумбами, оставшийся от прежнего владельца кабинета. Марк сдвинул его к стене, когда въехал, и забыл о нём.

Теперь под этим столом сидела Алиса.

Он наклонился и увидел её — скрестив ноги, с паяльником в одной руке и платой в другой. Рядом с ней лежали провода, кусачки, какие-то детали. На самом столе, поверхность которого она игнорировала, стояла старая коробка с её вещами и пара кабелей. Из-под стола торчали тапках с кошачьими мордами. Она что-то бурчала — неразборчиво, но явно недовольно.

Марк не удивился. После истории со стулом, когда она просто взяла и перенесла его в серверную, он понял: Алиса не спрашивает разрешения. Она берёт то, что ей нужно, и использует так, как считает правильным. Если она решила, что этот стол — её «база», значит, так и будет.

Он не спрашивал, почему она не сидит за столом, а под ним. Просто принял. Ей так удобно — и этого было достаточно.

Он сел в кресло, взял кружку, сделал глоток. Разложил перед собой бумаги — квартальный отчёт, счета, договор с поставщиками. Обычное утро.

Он больше не ждал, что она улыбнётся ему, как улыбается Вере. Не ждал, что расскажет что-то смешное, как рассказывает Дарине. Не ждал, что нальёт ему чай и будет сидеть рядом, как сидит с его отцом за шахматами.

Она была рядом — и этого уже было больше, чем он смел ожидать.

Из-под стола донеслось бормотание.

— Нестандартный разъём. Кто вообще проектирует эти платы? У них линейка есть? Или они на глаз сверлят? Тут ещё и контакт отходит. Припаяли на соплях. На честном слове и на одной канифоли. Я должна найти этого сборщика и задать ему пару вопросов.

Марк улыбнулся, продолжая перебирать бумаги: подписал счёт, отложил те то нужно оплатить, просмотрел договор. Алиса продолжала ворчать — теперь уже про провод, который где-то внутри изоляции был перебит, и она его прозванивает уже десять минут.

Он не встревал. Ему нравилось просто сидеть и слушать. Это было как радио — фоном, уютно, привычно. Она ворчала не на него. Она ворчала при нём. Это была разница.

— …и маркировка сбита. Должно быть двенадцать вольт, а по факту — восемь. Восемь! Как можно перепутать двенадцать и восемь, Марк?

Марк вздрогнул. Кружка дёрнулась в руке, и пара капель упала на бумаги — на тот самый договор, который он только что собирался подписать.

На мгновение он застыл, не веря своим ушам. Медленно, словно через силу, он поднял глаза от размокших бумаг и перевёл взгляд в сторону стола, откуда доносился её голос. Она сидела там, в своей привычной темноте, но сейчас это было неважно.

Важно было другое.

Она произнесла его имя.

Впервые за всё утро. Впервые за этот разговор. Впервые за эти недели их странной, молчаливой войны.

Из-под стола высунулась голова. Взъерошенная, с кабелем в зубах. Алиса посмотрела на него — пристально, проницательно, как будто считывала его лицо. Она чувствовала, что он замер, что что-то нарушило его привычный ритм, и этого было достаточно.

— Ты пролил кофе? — спросила она ровно, вынимая кабель изо рта.

Марк перевёл взгляд на договор, на коричневые пятна.

— Я не специально, — сказал он виновато.

— Ты пролил кофе на договор.

— Я не специально, — повторил он.

— Во вторник ты пролил на отчёт. В прошлый четверг — на счета. У тебя что, руки трясутся по расписанию?

— Ты меня спросила. Я не ожидал.

— Я спросила про вольты. При чём тут кофе?

— При том, что ты меня спросила.

Она смотрела на него ещё секунду. Потом вздохнула и скрылась обратно под столом.

— Салфетки в верхнем ящике. Промокни, пока не впиталось. И проверь, не попали ли капли на подписи. Если попали — я перепечатаю. Но это будет последний раз. Клянусь, Марк, последний.

Он открыл ящик. Достал салфетки. Начал убирать. Капли не попали на подписи. Он улыбался. Она не видела. Но теперь это было неважно.

Потому что она спросила у него. Не у Веры, не у Сергея, не у Дарины, не у отца. У него. Она ворчала при нём — и обратилась к нему. Это было больше, чем улыбка. Это было доверие.

Он промокнул договор. Долил кофе. Из-под стола снова донеслось про вольты, маркировку и кривые руки сборщиков. Марк откинулся в кресле и закрыл глаза.

Ему было хорошо.

Сцена 5. Темнота

Впервые это произошло через неделю, когда она начала оставаться в его кабинете и ждать его с кофе. Сидя под столом, она ворчала и делилась мнением о некомпетентности непутевых сборщиков, не знающих разницу между платой и схемой, одновременно перебирая очередной ужасно собранный агрегат, пока он пил кофе и разбирал документы, почту или расписание.

Он и до этого замечал, что она щурится. Резко, словно в глаза попал свет, хотя свет был обычный, офисный. Она терла виски — круговыми движениями, быстро, как будто хотела стереть что-то. Иногда она замирала. Прямо посреди фразы или движения. Останавливалась и смотрела в одну точку, и лицо её становилось белым, как бумага. Но почти всегда она через минуту-десять вновь возвращалась в своё обычное состояние.

Он рефлекторно стал наблюдать, фиксируя изменения, обрывки фраз и тишину. Пугающую. Особенно когда сидя под столом она перебирала провода, подключала приборы, но молчала — это было хуже всего.

Это длилось две недели. Четырнадцать дней. 20160 минут.

Именно столько Марк жил в этой пугающей тишине. Она была везде. В коридоре, когда она проходила мимо. На кухне, когда она наливала чай и вдруг замирала с кружкой в руке. Он видел, как она бледнела, прислонялась к стене, а потом быстро удалялась в серверную, где он знал, она могла спрятаться от всех.

Он хотел спросить. Но она всегда уходила раньше, чем он успевал открыть рот. И он впервые чувствовал себя беспомощным.

А потом случилось это.

Та неделя была загруженной и выматывающей. Марк валился с ног и мечтал, как можно скорей оказаться дома, чтобы хоть немного восполнить несколько бессонных ночей. Он как раз заканчивал с проверкой отчёта, когда услышал шаги в коридоре.

Медленные. Слишком медленные.

Марк поднял голову.

За дверью было тихо. Но он чувствовал — что-то не так.

Он встал, подошёл к двери и выглянул в коридор.

В конце коридора у кабинета отца он увидел Алису.

Она сидела на полу, прислонившись спиной к стене. Голова её была опущена, плечи сжаты. Она дышала тяжело, прерывисто, и даже с расстояния Марк видел, как трясутся её руки.

Но самое страшное было не в этом. Она тихо, почти беззвучно, звала Владимира Петровича. Его имя срывалось с её губ снова и снова — как молитва, как последняя надежда.

— Владимир Петрович... Владимир Петрович...

В этот момент из кабинета вышел Владимир Петрович.

Он не спешил. Он двигался спокойно, как будто знал, что увидит. Подошёл к Алисе, сел на корточки рядом.

— Солнышко, — сказал он тихо. — Я здесь.

Она не подняла головы. Но руки её потянулись к нему — на ощупь, вслепую, как будто она не видела, где он.

— Я не вижу, — прошептала она. Её голос дрожал — Ничего не вижу.

Марк замер. «Я не вижу»? Значит, это случалось раньше. И отец знал.

Он видел, как отец обнимает её — нежно, спокойно, как ребёнка. Как она вцепляется в его рубашку. Как он гладит её по голове.

Они не говорили. Отец просто держал её, и она затихала. Медленно, с каждым вздохом, её тело расслаблялось. Дрожь уходила.

Марк смотрел на них и не понимал.

Что с ней? Почему она не видит? Почему она пришла к его отцу? Почему отец знает, что делать?

Он хотел подойти. Хотел спросить. Но они были так близко друг к другу, что Марк чувствовал себя лишним. Как будто он подглядывал за чем-то, что не предназначалось ему.

Он сделал шаг назад. Потом ещё один. Развернулся и ушёл в кабинет.

Он сел за стол, уставился в монитор, но ничего не видел. В голове крутилось одно: «Я не вижу». Она не видела. И отец знал. А он — нет.

Через три дня Владимир Петрович уехал на несколько часов. Встреча в соседнем районе, обещал вернуться к вечеру.

Марк сидел в кабинете и разбирал бумаги, когда за дверью раздался звук. Тихий, неуверенный.

Это были шаги.

В дверь толкнулись. Слабо, почти робко.

— Владимир Петрович? — раздалось из-за двери. Голос Алисы был хриплым, и в нём слышалась паника.

Дверь распахнулась.

Алиса стояла на пороге, сжимая дверной косяк побелевшими пальцами. Глаза были расфокусированы. Она не смотрела на Марка — она смотрела сквозь него.

— Алиса? — позвал он, поднимаясь.

— Марк? — Она стала озираться. — Я думала, это кабинет Владимира Петровича. Он здесь?

— Нет. Он уехал на несколько часов.

Она захныкала.

Это был не плач. Это был звук — тонкий, беспомощный, как у зверя, попавшего в капкан. Ноги перестали её держать, и она стала оседать на пол.

— Я опять не вижу, — прошептала она, уже падая. — Опять.

Он рванул к ней, подхватил под руки, не давая упасть. Она повисла на нём, дрожащая, беспомощная. Пальцы её вцепились в его рубашку, и она дышала — часто, прерывисто.

Он молчал, держа её, давая почувствовать, что она не одна.

Она начала ощупывать его. Плечи, грудь, руки, будто искала что-то — знакомый запах, тепло, фактуру ткани. Она тёрлась лицом о его рубашку, как будто пыталась убедиться, что это то, что нужно.

— Твоя рубашка мягче, — пробормотала она в ткань, наконец находя то, что искала. — У него грубый хлопок. А у тебя... другая. Мягкая.

Он молчал, давая ей время.

Она прижалась сильнее, обхватила его за талию и замерла. Дыхание её было неровным, но она больше не дрожала.

Он поднял руки. Неуверенно и медленно. Он не знал, можно ли. Но она стояла в его объятиях и не отстранялась.

Он осторожно обнял её за плечи, легко, почти невесомо. Но она прижалась ещё теснее, будто подтверждая, что он всё делает правильно.

— Хватит напрягаться, я не кусаюсь, — сказала она в его грудь.

Он прижал её крепче. Она выдохнула — долго, глубоко.

Они стояли в темноте, и Марк чувствовал, как бьётся её сердце — быстро-быстро, но постепенно замедляясь.

— Хочешь прилечь? — спросил он тихо. Почти шёпотом.

Она кивнула.

Он повёл её к дивану. Медленно, шаг за шагом. Она держалась за его руку и не отпускала.

Он усадил её. Она села и тут же потянулась к нему, как будто боялась, что он исчезнет. Она напряглась — наверное, думала, что он посадит её и отойдёт. Он не исчез. Просто сел рядом, притягивая её обратно, обнимая крепче и увереннее.

Она уткнулась ему в плечо. Всё тело расслабилось.

— У тебя руки теплее, — пробормотала она. — У него холодные. Всегда. Я думала, у всех холодные. А у тебя тёплые.

Марк молчал. Гладил её по голове, медленно, как делал отец. И чувствовал, как её дыхание становится ровным.

Через пять минут она уснула.

Через час вернулся Владимир Петрович. Заглянув в кабинет Марка, он увидел Алису, свернувшуюся у Марка на груди как котёнок, и руки сына, обнимающие её в защитном и оберегающем жесте.

Он улыбнулся — тихо, одними глазами — и вышел, прикрыв дверь.

Прошло четыре дня.

Алиса так же приходила утром, готовила для него кофе, садилась под стол, но молчала. Потом, когда начинали приходить сотрудники, она уходила в серверную и проводила там весь день.

Марк вопросов не задавал. Знал, что боится спугнуть то малое, что она дарит ему утром своим присутствием в кабинете.

Но в голове роем кружились вопросы.

Может, она пожалела? Может, он сделал что-то не так? Может, она просто искала его отца, а он оказался под рукой, случайностью, и теперь ей стыдно?

Он не спрашивал. Он ждал.

На четвёртый день она пришла сама.

Он стоял у стойки секретаря и подписывал документы. День был солнечный, свет заливал холл, и Марк уже собирался уйти в кабинет, когда услышал шаги.

Медленные. Но уверенные.

Он поднял голову.

Алиса шла по коридору.

Она щурилась, слегка шаталась, но шла уверенно, и Марк видел, как она смотрит на него. Не сквозь. Не мимо. На него.

Не останавливаясь.

Алиса точно знала, что делала. Она подошла вплотную, подняла его свободную руку — ту, что не держала документы — и заставила обнять себя, уткнувшись в его грудь. Замерла. Затем поворочалась, устраиваясь в его объятиях удобнее.

Марк замер.

Он не знал, что делать. Он боялся дышать. Боялся, что, если пошевелится, она отстранится и уйдёт. Что она ошиблась. Что она искала не его, а его отца, и просто перепутала.

Он стоял неподвижно, сжимая документы в одной руке, и чувствовал, как её пальцы вцепились в его рубашку.

Сердце колотилось где-то в горле.

— Обними меня, — сказала она. — Ты же умеешь. Давай.

Он выдохнул. Медленно опустил свободную руку и обнял её за плечи. Неуверенно. Боязливо. Как будто она была стеклянной.

— Крепче, — сказала она настойчиво.

Он прижал её крепче. Она вздохнула — ровно, спокойно, и Марк почувствовал, как расслабляется её тело.

Секретарь замялась с документами.

— Продолжайте, — сказал Марк. Голос был хриплым.

Из коридора на них смотрели. Вера улыбнулась и отвела взгляд. Сергей сделал вид, что изучает планшет.

Марк подписал последний документ и аккуратно убрал ручку.

— Ты слишком громкий, — буркнула она в его рубашку. — У тебя голос как у диктора на стадионе. И Солнце. Я пыталась отключить Солнце. Кто вообще придумал, что в офисах должны быть окна? Это же издевательство.

Марк хмыкнул. Внутри разливалось тепло.

— Ты просишь меня отменить Солнце?

— Я прошу тебя быть тише. И свет выключить. И обнимать меня крепче, потому что я всё ещё тебя не вижу, но, судя по тому, что ты подписывал, ты не умеешь писать, как нормальный человек. У тебя почерк как у врача. Думаешь, это круто?

Он засмеялся. Тихо. Её голос звучал ворчливо, но он слышал в нём другое — что ей хорошо. Что она здесь. Что она выбрала быть здесь, с ним.

— Ты ворчишь, — сказал он.

— Я не ворчу. Я констатирую факты. И факт номер один: ты слишком медленно подписываешь документы. И слишком громко дышишь. И пахнешь не так, как твой отец.

— Это хорошо или плохо?

— Это... — она замолчала. — Это факт. Я констатирую. Не надо искать смысл там, где его нет.

— А если я всё равно буду искать?

— Тогда ты идиот. Но я уже это знала. Ты не умеешь выбирать пароли, ты не умеешь подписывать бумаги без помарок, и ты обнимаешься так, будто я могу рассыпаться. Ты идиот.

— Но ты здесь.

Она замолчала. Потом, очень тихо:

— Да. Я здесь. Потому что у тебя рубашка мягкая и руки тёплые. И ты не задаёшь вопросов. Это важно.

Марк улыбнулся в её волосы и повёл её в кабинет.

За спиной кто-то тихо сказал: «Молодец». Марк не обернулся, но догадался что это был отец.

Алиса шла с ним, вцепившись в его руку, и бормотала что-то про Солнце, которое не отключается, и про вольты, которые кто-то перепутал, и про то, что у него, Марка, руки не из того места растут, потому что он обнимает её неправильно, хотя она ему уже сто раз говорила.

Марк слушал и улыбался.

Она пришла к нему. Сама. Она пришла к нему, а не к его отцу.

И она точно не перепутала.

Конец ознакомительного фрагмента

Ознакомительный фрагмент является обязательным элементом каждой книги. Если книга бесплатна - то читатель его не увидит. Если книга платная, либо станет платной в будущем, то в данном месте читатель получит предложение оплатить доступ к остальному тексту.

Выбирайте место для окончания ознакомительного фрагмента вдумчиво. Правильное позиционирование способно в разы увеличить количество продаж. Ищите точку наивысшего эмоционального накала.

В англоязычной литературе такой прием называется Клиффхэнгер (англ. cliffhanger, букв. «висящий над обрывом») — идиома, означающая захватывающий сюжетный поворот с неопределённым исходом, задуманный так, чтобы зацепить читателя и заставить его волноваться в ожидании развязки. Например, в кульминационной битве злодей спихнул героя с обрыва, и тот висит, из последних сил цепляясь за край. «А-а-а, что же будет?»

C

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.